

ЗАСЕДАНИЕ НАУЧНОГО СОВЕТА ВЦИОМ

СТРОИТЬ ИЛИ НЕТ?

Почему строительство дорог, жилья, предприятий вызывают ожесточенное сопротивление общественности - и что с этим делать?

28 января 2014 г., 16:00 в РОПЦ (Лучников пер., д.4)

Транскрипт стенограммы

Модератор: Я предлагаю начать. Тема очень интересная и прямо скажем такая дискуссионная. Именно поэтому мы пригласили людей не только из мира науки, но и тех, кто является, являлся в том или ином качестве напрямую авторами и участниками этих конфликтов на той или иной стороне. И как минимум, я думаю, Евгения все узнают, значит, лицо вполне всем знакомое, и, я надеюсь, будут и другие представители сторон, вот, в частности, мы вот девелоперов ожидаем несколько людей, не самих девелоперов, потому что они обычно люди, ну, которые мало говорят. Вот, значит только такая мимика лица, лиц каменных, она может что-то сказать понимающее. Но у них есть политтехнологи, пиарщики, в общем все наши знакомые хорошие и не очень, которые, надеюсь, рискнут сегодня выставить аргументы этой стороны. Но а начнем мы с интереснейшего исследования, которое было проведено в 2013 году по президентскому гранту. Институт общественного проектирования выдал денег на то, чтобы изучить это социальное явление – конфликты вокруг новых объектов строительства - инфраструктурного, транспортного, жилищного разрезов и так далее. Причем изучить их не только как набор разнообразных ситуаций, но должна была быть предпринята попытка их типологизировать, выделить основные виды и формы этих конфликтов, описать процессы их разрешения в ту или иную сторону, и затем на основании этого сформулировать некие принципы, которые может быть могли помочь выстраиванию новой более правильной, более справедливой, более эффективной системы обсуждений, общественных слушаний, других мероприятий, которые окружают вот все эти бизнес-процессы. Исследовательский проект реализовывала следственно-консалтинговая группа «Практикс», многие представители здесь ее знают, а с основным докладом выступит, насколько я понимаю, Виталий Седнев. Содоклад делает Галина Градосельская из Высшей школы экономики. Поэтому где-то

полчаса мы послушаем доклады, а затем в режиме свободной дискуссии, вопросы, ответы, мнения, значит, громы, молнии и т.д. К чему это все может привести, сразу скажу. Сказать, что у нас есть такой политический заказ от власти, значит там с подписью, с поручением, сроком исполнить все, нет, такого нет, но есть интерес определенный, потому что очевидно, что замедляется экономический рост, вот, 1,5 % в этом году по сравнению с 3,5% в 2012. Это превратилось уже в политическую проблему. Поэтому любое новое строительство теперь не то, чтобы пользуется таким вот режимом наибольшего благоприятствования, этого конечно нету, но, по крайней мере, сегодня на них смотрят существенно более благосклонно власти, чем прежде. И тут вопрос: власти смотрят более благосклонно, чем прежде, но здесь появился еще или появляется субъект дисперсный рассеянный, но как мы видели в последние годы все-таки очень важный, который в любой момент может заявить о себе и даже остановить столь масштабную, пафосную и амбициозную стройку, как например, Охта-центр, задуманный крупнейшей, сильнейшей, влиятельнейшей корпорацией страны. Вот поэтому запрос есть еще и на некий анализ, некоторые рецепты, рекомендации относительно того, как не допустить новой волны этих конфликтов, но не путем силового давления и паровых катков, а путем согласовательных процедур, более правильно выстроенных. Вот поэтому, надеюсь, будет некоторый и практический эффект от нашего обсуждения. Будет он или нет - зависит от нас всех.

Виталий Седнев выступает с основным докладом. Пожалуйста, вам слово.

Виталий Седнев (Некоммерческое партнерство "Бизнес-Солидарность"): Уже тот факт, что здесь собрался такой представительный состав, говорит о том, что тема актуальная, и возможно, горячая. Смотрите, здесь представлены три исследовательских центра: ВЦИОМ, Фонд общественного мнения представляет Елена Серафимовна Петренко, и Новый центр правовой социологии Лаборатории цифрового общества представляет директор Анджи Аршавский. Уже это говорит о том, что вопрос острый. Теперь скажу о своем интересе в теме, почему мне это исследование было, где-то оказалось очень интересным. Живу я на Дмитровке, Дмитровская, дом 1, и в позднелужковские времена я наблюдал и стал участником гражданского конфликта, вызванного

строительством точечной застройкой, попыткой застроить по сути дела во дворе домов новый многоэтажный дом. Поднялся, поднялось гражданское движение, очень маленькое, смешное, жалкое. Собирали подписи под письма, жалобы. Потом когда дошло до строительства, до установления забора, люди выходили на акцию прямого действия - мешали строительству. Было это в те времена, когда торжествовал миф о том, что политика не модно, гражданская активность бесперспективна и я, честно говоря, немножко помогая этим людям, абсолютно не верил, что они хоть чего-либо добьются. Каково же было мое удивление, когда строительство приостановилось. Я думал, оно приостановилось и возобновится. Кто они такие. Нет, до сих пор там ничего не построено, отстояли. Так вот в строительных конфликтах меня заинтересовала их гиперэффективность. Кажется небольшая горстка людей, ну немножко одержимых да, без какого-то высокого покровительства, без денег, вот в моем дворе остановили видимо очень богатых, с поддержкой в то время московской власти людей. Как это произошло? Второй раз я с этим столкнулся вот с Иваном Фоминым, мы работали, исследовали, проводили исследования в Петербурге, выработывали рекомендации Газпромнефти как работать с населением в связи со строительством Охтоцентра. Исследование мы провели полностью, подготовили Газпрому рекомендации, но Газпром избрал несколько иной путь работ. Там, во-первых, объективно, по социологии выходило, что большинство, на тот момент большинство жителей Санкт-Петербурга была тема либо безразлична, либо они положительно относились к строительству, меньшинство выступало против. Каково же было мое удивление, когда через несколько лет я узнал, что Газпром проиграл эту войну, в том месте стройка не состоится, стройка перенесена в Лахту, но и там у Газпрома сейчас возникают большие проблемы с населением. Как так? Какие то несчастные горожане смогли превозмочь всемогущую, всемогущую мировую корпорацию. О том, что это случаи не единичные, можно убедиться простым способом: вот я взял, распечатал ленту новостей на Яндекс, если набрать поисковое слово: против строительства, то за одни сутки мы получаем целую такую полыхающую географию: от Крыма на Украине до Казани, Челябинска, Дальнего Востока, Петербурга. Это вот за одни сутки новости. Каждая из них касается тех или иных строительных конфликтов и роста гражданской активности строителей. Когда то мы удивлялись сопротивлению гражданскому в Химках, их, в общем, отчаянным попыткам остановить стройку, смотрели на это как на феномен, как на отдельный случай. Но то, что сейчас

видно по информационному блоку, строительные конфликты из отдельных феноменов они стали, ну образно можно сказать такой вирусной инфекцией, которая пошла и тиражируется, во многом воспроизводя опыт тех первых кейсов с Химкинского леса, Охто-центра и московской борьбы с точечной застройкой. Эта строительная, строительные конфликты пошли гулять по стране и можно так сказать, что во многом строительные конфликты это знак нашего времени. Какой знак? Надо попытаться расшифровать и куда это может нас подтолкнуть. Но факт остается фактом: из отдельных феноменов строительные конфликты превратились в типичное явление. Причем, если посмотреть вот эту ленту новостей в Яндексe, здесь есть как такие локальные небольшие конфликты, так и есть строительные конфликты, которые можно ожидать, что перерастут в достаточно крупные. В частности, уже начинает теплеть, разогреваться и обостряться тема будущего строительства центральной кольцевой автомобильной дороги. Ну, вот здесь есть ...Я хотел бы слово дать Роману для коротенькой справочки по кухне самого исследования, поскольку Роман организовывал исследовательскую часть.

Роман Кисурин (ИКГ "Праксис"): Добрый день, коллеги! Я представляю исследовательско-консалтинговую группу "Праксис", и хотел бы вкратце рассказать вам о том, как реализовывалось исследование. Официально исследование называлось: "Согласование интересов сторон: сохранение среды обитания или новое строительство". Исследование осуществлялось в три ключевых этапа. Первый этап у нас назывался "Кабинетное исследование". На первом этапе, исследование проходило в прошлом году, на первом этапе мы анализировали открытые источники информации, доклады, аналитические записки как из зарубежных, так и из российских источников и пытались на основе этого анализа определить какие-то ключевые кейсы, которые были бы нам интересны для дальнейшего исследования. В рамках этого этапа на основе собранной информации были проанализированы несколько кейсов, которые впоследствии на втором этапе, на этапе исследований конфликтных ситуаций на местах, они стали основой дальнейшего исследования, т.е. проведение глубинных интервью с непосредственными участниками конфликтов в это период. В качестве кейсов были выбраны: в московском регионе это конфликт в городе Жуковском вокруг вырубки леса при строительстве автострады, в Нижнем Новгороде конфликт вокруг сноса исторических зданий в центре города, в частности вот здание на улице Ильинка и близлежащих территориях, в городе Калининграде

это конфликт вокруг снятия брусчатки в городе, которая была инициирована местной городской администрацией, мэром города, и знаменитый конфликт, один из самых известных, это конфликт в Санкт-Петербурге вокруг строительства «Охта центра» и впоследствии перенос конфликтной активности на строительство «Лахта центра». Вот и последний конфликт, который мы анализировали, это вот конфликт вокруг олимпиады, вокруг строек, масштабных строек, которые реализовывались в Краснодарском крае в связи с Олимпийскими играми. В частности, мы взяли два ключевых события этого конфликта: переселение жителей из Имеретинской низменности и конфликт вокруг строительства Худонской ГЭС.

В рамках второго исследовательского этапа было проинтервьюировано около 50 респондентов, по 10 из каждого региона. Соответственно респондент у нас выбирается из разных целевых групп, Это были и представители СМИ, непосредственные участники конфликтов и представители экспертного сообщества. Это позволило нам сформировать, провести детальный анализ поведения всех исследуемых групп в триумvirате: власть, бизнес и население, и перейти к третьему этапу - заключительному. Заключительный этап назывался у нас "Экспертные интервьюируемые". На третьем этапе мы опросили 10 экспертов, провели с ними экспертные интервью, экспертов общероссийского уровня. И заключительным этапом явилось написание отчета на материалах всех полученных результатов в рамках вот этих трех исследовательских этапов.

Виталий Седнев: Я остановлюсь на трех кейсах, для того, чтобы попытаться выйти на формулировку природы строительных конфликтов и почему они оказались столь, так сказать, заразными, почему они сейчас все тиражируются по стране.

Первый кейс это Жуковский, борьба за Цаговский лес. Этот кейс интересен тем, что там, как и на примере Химкинского леса появились ключевые этапы, скажем так, модель, модельный строительный конфликт и в большинстве случаев эти этапы воспроизводятся. Первый этап формирования строительного конфликта это накопление недоверия к местным властям по самым разным причинам. Строительные конфликты не возникают на пустом месте и, как показывает исследование, очень часто строительные конфликты являются только поводом для выхода наружу накопленного горячего материала и накопленного недоверия прежде всего к местной власти по самым разным причинам. В

Жуковском достаточно указать две существенные причины: это выборы бывшего мэра Жуковского Александра Бобовникова проходили с большими скандалами. В конечном счете, как говорят в Жуковском, судьбу власти в городе решили не избиратели, а судья и уже это было одним из условий появления строительного конфликта и полное так сказать признание легитимности мэра.

Второе - там уже было движение против точечной застройки в Жуковском, даже появилась общественная организация "Любимый город". Вот был накоплен конфликтный потенциал, который потом ярко выразился в борьбе против строительства автотрассы.

Следующий этап строительного конфликта это появление инициативной группы и выход инициативной группы в местное сообщество, опережающее информирование местного сообщества о строительстве при полной пассивности власти, ее не информирование. Ключевой момент для старта строительного конфликта это создание у общественности, у местного сообщества картины мира, видения ситуации той, которую предлагает инициативная группа. Следующий ключевой пункт развития конфликта это обострение, попытка силового подавления и акции прямого действия, создание палаточного лагеря и прямое противодействие строительству в ответ на силовые акции, радикализация протеста, выход протеста в информационное поле федеральных сми.

Ну и, наконец, следующая стадия, которая не везде встречается, но видимо периодически она будет повторяться: вмешательство более высокого уровня власти. На Жуковский сильнейшее впечатление произвела поездка туда Шойгу, публичная критика городской власти, ну и потом уже при Воробьеве последующая отставка мэра и замена городской власти. На первый взгляд, как и в борьбе за Химкинский лес, общественность, казалось бы, потерпела поражение, поскольку строительство состоялось. С другой стороны, есть множество других последствий, которые можно рассматривать как победу гражданского движения, ну, в частности, это смена местной муниципальной власти. В большинстве случаев вот такие этапы повторяются. Следующий кейс, который я хотел бы быстро рассмотреть это олимпийское строительство в Сочи. Чем этот кейс интересен? Конфликты в Сочи проходили в особой ситуации, в очень закрытом режиме. Был принят так называемый «олимпийский закон», который весь регион поместил в особое правовое поле, где не действовали нормы федерального законодательства, а действовали нормы этого закона, в связи с чем в Сочи наши

эксперты высказывали убеждение, что их ситуация на время строительства похожа на ситуацию чрезвычайного положения: не действуют все нормы Конституции. Конфликт по Имеретинской бухте более известен. Это конфликт по изъятию жилья и земельных участков и в этом конфликте, в ходе этого конфликта тоже на первый взгляд гражданское общество тоже потерпело поражение, поскольку изъятие состоялось, по поводу выплаченных за жилье и земельные участки компенсаций осталось много претензий по непрозрачности выделяемых сумм.

Но хочется обратить внимание на другой момент, что в ходе этого конфликта поменялась власть в Сочи, туда пришел новый мэр. Пришел более жесткий и что только усугубило этот конфликт в Имеретинской бухте и способствовало уступкам и поражению вот этого гражданского сопротивления.

Один из ключевых выводов этого исследования состоит в том, что строительные конфликты не являются сугубо строительными, основа этого конфликта накопленный уровень недоверия к местной власти и можно констатировать, судя по росту строительных конфликтов, констатировать кризис муниципальной ступеньки власти. В тоже время чувствуется по тем очагам конфликтов запрос населения на реальное местное самоуправление и вакуум этого реального местного самоуправления. Строительный конфликт нельзя рассматривать как некое бедствие. Судя по тому, как они пошли по стране, их надо рассматривать как норму, к ним относиться спокойно и рассматривать их как ресурс. Строительные конфликты это очаги ускоренного роста гражданской ответственности и гражданского общества. Кроме того, строительные конфликты являются таким эффективным фильтром отбора людей и формирования лидерства нового типа, что мы видим по примеру госпожи Чириковой и по очень, очень многим менее известным примерам, можно так сказать, что вот эти растущие локальные строительные конфликты это такой распыленный гражданский процесс смены элит.

Модератор: Меня удивило, что Виталий Седнев как известный революционер международного масштаба предлагает считать конфликты нормой, множить их и использовать их в интересах смены элит в нашей стране и не только. Ну что ж? Следующий выступающий Галина Градосельская, доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации Высшей школы экономики.

Галина Градосельская: Коллеги, я возьму на себя смелость не согласиться с предыдущим докладчиком, подлить керосинчика в костер и выступить на стороне девелоперов, потому что я в свое время проработала...

Виталий Сенев: Адвокат дьявола!

Модератор: Девелоперов!

Галина Градосельская: А может быть как раз наоборот. Мне хотелось бы, чтобы в процессе обсуждения вы перелистывали вот эту презентацию. Вот здесь два исследования и какие-то слайды мы будем пролистывать быстро, какие-то нужные, я на них остановлюсь. К сожалению, тут мелким таким шрифтом все напечатано, но если у кого-то будет интерес, я могу выслать по электронной почте электронную версию этой презентации.

Значит, первое исследование как раз проводилось в интересах такой небольшой фирмы, которая собственно и занимается информационным, юридическим сопровождением бизнес-конфликтов. Ну я как бы здесь не затем, чтобы его рекламировать, а затем, чтобы осветить вот методологически интересную задачу, которую мы в свое время поставили. Поскольку вот такие вот как бы фирмы кормятся на урегулировании вот таких вот конфликтов, им необходимо, как Виталий говорит это: «волна ширится, растет», соответственно это очень неплохое поле для бизнеса. Им вот очень интересно мониторить собственно информационное пространство с тем, где какой бизнес-конфликт возникает. Методологически интересная задача информационного аналитика в том, что как только в прессе появляется словосочетание "бизнес-конфликт", здесь ловить уже нечего, т.е. все стороны маркировали ситуацию как бизнес-конфликт, и все понятно как дальше развивается. Фишка в том, чтобы поймать вот этот бизнес-конфликт еще до того, как все сказали, что это бизнес-конфликт, т.е. по каким-то косвенным речевым маркерам, показателям и т.д. Была использована база данных Медиалогии, огромная, по всей стране, вплоть до заводского издания. Необходимо было разработать систему информационного поиска, которая выстраивалась следующим образом. Перелистните на страницу 2, нижний слайд «Типологизация конфликтов». Т.е. бизнес-конфликты существуют тогда, когда они в юридически сером поле, когда нет четких, каких-то прописанных, учтенных законодательством моментов, поэтому типологизацию бизнес-конфликтов всегда нужно наживую делать. Для того, чтобы их обозначить

эту ситуацию, она проводилась экспертом. Но поскольку мои заказчики они в течении там многих лет работали, они вот эксперты и вот эти конфликты типологизировали. И хочу обратить ваше внимание на конфликт тип Б2 - конфликты компаний с общественностью и общественными организациями. Это подавляющий тип конфликтов, который присутствует в строительных конфликтах, наше исследование потом это показало. Как строилось собственно поисковый запрос? Был подобран набор статей в СМИ, которые описывали вот эти, ну тоже эксперты, которые все эти конфликты описывали. Был проведен вручную дискурс-анализ - кто, что сделал, против кого выступил, и были как раз определены ключевые слова. Обращаю внимание на словосочетание "форум противников", "активист", "движение против" и т.д. Вот эти слова всегда присутствуют в публикациях по поводу таких вот конфликтных ситуаций. Дальше нижний конфликт, нижний слайдик это как раз вот был сформулирован некий запрос в базу данных Медиалогии. Перелистните на страничку 4, дальше была проведена адаптация символического запроса, потому что это совпало с обычными волнениями за рубежом, нам они были не нужны. Ну, вот собственно на нижнем слайде на странице 4 полный пример полного запроса по этой - конфликты компаний с общественностью и общественными организациями. И дальше результаты этого исследования на странице 5. Итак, вот давайте посмотрим здесь как раз показана динамика конфликта во времени. Очень интересна классификация бизнес-конфликтов по отраслям - т.е. на первом месте производство, машиностроение, это как раз 2011 год, на втором – банковская сфера, финансы. И третье - строительство. Т.е. вот три ключевые отрасли, которые подвержены ситуации бизнес-конфликтов разного типа. А вот дальше, перелистните на страничку 6, типы конфликтов по отраслям. Здесь тоже давайте посмотрим, какие конфликты преобладают, строительство там выделено красным прямоугольничком. Здесь конфликты компаний с общественностью в строительстве как раз вот они просто, что называется, лидируют. У нас не было цели это узнать, это просто результат исследования. Вот, и можно посмотреть в какой период эти конфликты особенно активизировались, нижний слайд, страница 6. Как раз думаю, если совсем не совпадают, это как раз осень 2010 года и потом рост осенью опять же 2011 года. Дальше на странице 7 показано прогнозируемое количество конфликтов, вот там временной ряд, как раз вот эти колебания вообще в принципе конфликтных ситуаций. И внизу на 7 страничке прогноз по авторегрессии. Т.е. мы даже вот угадали вот эти пики зимой, вот, как раз совпал с

выборами президента 12 года, потом к весне как раз 12 года, т.е. вот это вот буквально видно общий тренд недовольства был вот очень четко виден, т.е. у нас даже прогноз по регрессии получился удачным. Дальше было очень интересно локализовать эти конфликты по разным видам и по регионам. На странице 8 как раз показано количество публикаций по разным видам конфликтов. Вот Банк Москва это был очень известный конфликт, поэтому я его специально не стала рассматривать, потому что там итак все имеют свое мнение об этом. Ну, конфликт на ВАЗе тоже понятен. Это такой региональный конфликт. То, что выделено, фамилия такая говорящая Эдуард Таран, это как раз региональный конфликт, про который в центральной прессе очень мало пишется. Как раз вот по региональной прессе и самое интересное, что там как бы вот в этом конфликте были представлены все виды, т.е. там и с общественниками и с властями. Вот это как раз на странице 9 отображено количество публикаций по таким конфликтам. т.е. что потом сделано. Нужно перелистнуть на страничку 10 и верхний слайд, был проведен в Youtube сетевой анализ, выделены все авторы, вот чем жирнее выделены точки, тем чаще автор упоминался, тем более активен участник, есть фамилии, все организации. Мы видим буквально структуру этого конфликта с различными бизнес-структурами, ключевых персон, адвокатов, представителей этого товарища и так далее.

Нужно эти конфликты отслеживать в сети, они берут активную поддержку. На самом деле вот эти СМИ официальные невозможно, не имеет смысла рассматривать в отдельности от активности в социальных сетях. Одной из областей той организаций, где я сейчас работаю, как раз распределения социальной активности в социальных сетях, то есть то, что я говорю по пунктам, распределение активности - это буквально побочный результат нашего моделирования, вытаскивания кластеров. То есть были выделены три кластера активных групп, три кластера политически активных групп. Было проведено экспертное моделирование, это вот на странице 12. И можно обратить внимание внизу, на нижнем слайде на странице 12 специально показан крупно оппозиционный кластер. Посмотрите на периферию, там выделены лиловыми точечками группы, я так назвала «группы бытового недовольства», то есть люди недовольны своей жизнью, недовольны состоянием ЖКХ, недовольны состоянием дел в районе, недовольны строительством, недовольны еще чем-то. За счет этих недовольных людей, периферии, подпитываются и координируются вот эти политические группы. Происходит поляризация политического направления.

Характеристика этих групп подробно показана на верхнем слайде на странице 13. В процессе распределения групп было выделено несколько очень интересных проектов, показательные ситуации. Я выписала цитаты из публикаций, допустим, написано: «это проект, состоящий из проектов, то есть все аккаунты, которые там зарегистрированы, на самом деле проекты, которые собственно акцентируют активистов». Вот Алексей Головин, некто организатор этой группы пишет, что «мы объясняем, что это гражданско-политический проект», то есть собственно расстановка приоритетов здесь понятна. Дальше если на странице 14 можно посмотреть на верхний проект, это буквально обсуждение, кого выбирать, некто Навальщик спрашивает: «параллельно у нас будет идти капустник активистов, которые пока не присоединились к правительству... надо самим приглашать и объяснять, зачем это надо». Я могу резюмировать, в Москве с гражданским движением работают люди, вот сказали, работайте, они взяли под козырек и чисто формально непонятно кого туда набрали и... Вот здесь как раз-таки ситуация обратная, они ищут, работают некие социально-политические механизмы вытаскивают из протестов, там вот следующий проект можно посмотреть. Один человек вряд ли с тремя тысячами друзей смог бы, там количество сообществ, в которых он участвуют – 592. Специально все скопировала. Из этих почти одна треть посвящена собственно Москве. Вот посмотрите внизу как раз все московские группы, тоже они разбиваются, посвящены конкретной ситуации: да, мы против уничтожения леса, дороги, где Ленинский проспект, против застройки. Есть политические группы («Мы были на Болотной площади»), политические группы, которые работают против власти Москвы и Московской области и так далее. Пока эти группы не активизированы, пока это затишье, но уже все районы Москвы и почти все площади Подмосковья, все активисты зафиксированы. Если пойдет какая-то команда, если вдруг что-то возникнет... Понятно, что это вспыхивание конфликта. И вот последний слайд на странице 15, вот это вот кластеризация на Фейсбуке. Вот это протестное, я специально вытащила общее количество участников акции (перекрыть движение, шествие). Локализовано узкая группа активистов, которая воспроизводит такой объем, оно примерно порядка шесть десятков тысяч по Москве и порядка ста по России.

Модератор: Еще сто? И того 160?

От населения России не так много, но та, которая в будущем может участвовать, я не знаю, там кто, два человека уже есть. Но та, которая уже будет

каким-то там... Понятно, что все эти слова локализованы не у каждого участника, у активиста, совершенно спокойно можно туда пристраиваться, такая более сторонняя. Я понимаю, почему живут, работают внутри информационного пространства, но с этим нужно работать, с этим нужно уметь работать.

Модератор: Спасибо, Галина! Ну, в общем, если Виталий сконцентрировался на осмыслении самого феномена строительных конфликтов и представил его как зарождающуюся реальность, то Галина попыталась все это вписать, во-первых, в бизнес-конфликт, может быть недостаточно полно, но в начале ее выступления прозвучало бизнес-конфликт. Если событие маркировано как бизнес-конфликт, то уже все ясно. В каком-то смысле это уже такой маркер, который на мой взгляд ограничивает, в том числе пределы и уровень результативности общественных движений, которые в этом замешаны, потому что как только к ним прилепился ярлык, что они защищают интересы какого-то, чаще всего неназываемого бизнесмена, конкурирующего с тем, который этот проект задумал и пролоббировал, то здесь уже можно сказать, что белые одежды резко потемнели, и сложно себя уже предъясвлять в качестве защитника общего блага, общественных интересов.

Ну и второй контекст, о котором Галина говорит, это контекст политический, т.е., если Виталий упирал на то, что если людей на месте стройки волнует прежде всего их качество жизни (вот, точечная застройка, а под окном у меня внезапно возникает какой-то небоскреб, который мешает мне жить), то Галина говорит о том, что есть уже попытки, не знаю насколько успешные, обобщить и соединить энергию протеста по местным и чаще всего неполитическим поводам в антиправительственную сеть общенационального масштаба. Это еще один такой интересный аспект, который говорит о том, что и как начиналось, как конфликт вокруг стройки в подобных условиях может превратиться в элемент общенациональной политической борьбы, как минимум в информационном плане, в плане повестки. Благодарю, что обратили на эти аспекты внимание.

Дальше я предложил бы поступить так. Перед тем как свободная дискуссия начнется, можно задать вопросы к двум докладчикам. Есть вопросы к Виталию Седневу?

Левашов Виктор (ИСПИ РАН): Хотелось бы понять из тех кейсов, которые

Вы рассматривали, как можно определить критическую массу, когда появляется субъект из граждан, в случае дома на Дмитрова или еще где-то? Как возникает, что, можно ли как-то определить эту критическую массу?

Виталий Седнев: Субъект рождается на острой стадии конфликта, когда возникает насилие, когда гражданские активисты идут на акции прямого действия и возникает силовое подавление. Вот в этот момент преодолевается грань, происходит необратимый момент. Из энтузиастов, активистов формируется такое ядро, которое готово идти до конца. И в этот момент, я согласен, возникает условие политизации этой группы и выхода на поле, широкий политический контекст, помимо условий местных органов власти. По поводу рождения субъекта, если копаться в конфликте по Охта центру, то один из ключевых моментов там был, это выступление радикалов-градозащитников. Ну, взять например такую группу как Невская дуга, которые делали блокирование, оцепление стройки, ложились под Камазы и т.д. Тогда конфликт вышел на масштаб общегородской политики. Когда возникают такие острые моменты? Я проведу аналогию. Собственно, если смотреть за развитием ситуации в Киеве, там они сейчас проходят только в общенациональном масштабе грань резкого обострения и насилия.

Модератор: Виталий, вопрос был про рождение субъекта. В своем выступлении Вы сказали, что субъект рождается, когда образуется инициативная группа, а радикализация идет уже после на самом деле.

Виталий Седнев: Я так вопрос понял - он о политическом субъекте.

Левашов Виктор: Не о политическом. Граждане, если появляется какая-то ситуация, как на Украине, в вашем дворе. Вот граждане что-то там побурчали, побурчали, разбежались. А когда сформирован субъект, родился субъект, после которого уже начинает собственно выявляться причины, формироваться разные обращения?

Модератор: Вопрос понятен, ответ тоже понятен был, как бы сказано - инициативная группа, либо она появилась, либо не появилась. Дальше она может институализироваться.

Левашов Виктор: Ну, критической массой что является?

Модератор: Ну, это алхимия уже, не просите не от кого из здесь

присутствующих дать точный рецепт. Вот. У Евгении Чириковой получилось, а у других не получилось.

Галина Градосельская: Тринадцать человек целую страну растормошили, поэтому тут не важна количественная привязка..

Левашов Виктор: Ну, я про качество и спрашиваю.

Модератор: Еще вопросы к Виталию Седневу.

Левашов Виктор: К двум выступающим, наверное.

Модератор: Давайте к двум.

Левашов Виктор: Очень интересная информация, тем не менее, мне кажется, что вот та типология, которую вы дали, и тот понятийный аппарат, который вы предложили, он не совсем адекватен той проблеме, которую мы рассматриваем. Мы рассматриваем сегодня строительные конфликты, потом пойдем рассматривать бизнес-конфликты, потом вот, по сути дела, речь шла о политических конфликтах, потом речь шла об использовании строительных конфликтов в интересах политических целей. Понимаете, это разные вещи, их надо разделять, здесь должна быть точная, ясная, четкая идеология для того, чтобы понять, что мы сегодня обсуждаем. Поэтому, на мой взгляд, даже проведение всех эмпирических исследований, результаты которые вы предложили, можно было бы принять такую классификацию это конфликт хозяйствующих субъектов по поводу той или иной стройки, того или иного.. нет?

Виталий Седнев: Нет. С одной стороны хозяйствующие субъекты, с другой стороны граждане.

Левашов Виктор: Правильно. Но факт остается фактом, что все эти хозяйствующие субъекты не могут вынести этот конфликт на публичное поле и использовать его, уже волю и протест граждан для решения своих бизнес задач. Это сплошь и рядом.

Модератор: Виктор Константинович! Это вопрос или выступление?

Левашов Виктор: Далее. Следующий конфликт - это конфликт хозяйствующих субъектов и граждан. Это действительно наиболее часто распространенный конфликт. Следующий конфликт – конфликт властных субъектов, это, как

правило, в разрезе центр-регионы. Сплошь и рядом, когда бизнесмены из центра приезжают и начинают отжимать бизнес, организовывая по этому поводу конфликт, особенно это здесь вот в центральной России. Ну и, наконец, конфликт как политическая или пропагандистская компания. Строительный конфликт как пропагандистская компания за то, чтобы захватить политическую власть. Вот это ведь тоже реальность наша, особенно это видно сейчас на Кавказе. Олимпиада она ведь выстроена таким вот образом. Поэтому мне кажется, что строгой какой-то типологии еще не сложилось и, что самое интересное, конфликты зачастую имеют смешанную природу. В каждом конфликте та составляющая, которую я перечислил, она присутствует в той или иной стадии и для того, чтобы разобраться в том или ином конфликте, мы должны четко и ясно классифицировать. Что вы думаете по поводу той классификации, которую вы предложили на втором листе? Она законченная или нет?

Модератор: Коллеги, на будущее предупреждаю всех. Не надо использовать время, отведенное для вопросов, для выступлений.

Виталий Константинович: Для уточнения.

Модератор: Хорошо, тогда пропускаем. Есть еще вопросы к Виталию Седневу?

Вопрос: Виталий, у меня 2 небольших вопроса. Для того, чтобы конфликт был успешным, сведение ресурса власти и более сильного ресурса это необходимое условие, или граждане могут обойтись своим микроуровнем локальным? И второй вопрос, может быть, двоим исследователям. Скажите, пожалуйста, в завершающей конфликтной ситуации конфликт снимается в большей степени на субъективном уровне, т.е. работая с образом конфликтной ситуации или все-таки необходимо его снятие на объективном уровне? Что больше вытаскивает ситуацию?

Виталий Седнев: У меня встречное соображение: Что значит успех конфликта? Может быть, потом госпожа Чирикова поделится своими мыслями. Успех конфликта: остановка стройки как в Санкт-Петербурге?

Женщина: Вы здесь вышли на ключевой вопрос.

Виталий Седнев: На мой взгляд, конфликт успешен уже хотя бы потому, что идет рост настоящего гражданского общества, и появляются лидеры и

появляется самоорганизация, в том вакууме низовой самоорганизации, какой мы чувствуем. По поводу вмешательства высшей власти, мы не думали моделировать умозрительно, мы смотрели среди происходящих конфликтов, что это дает. По Жуковскому вмешательство Шойгу было весьма эффективным по воздействию на общественное мнение. Стройка была проиграна, но было множество просьб, в том числе и замена городского начальства, т.е. это политическая просьба, который устроил Жуковский.

Модератор: Понятно. Галина тоже ответит что-то?

Галина Градосельская: Ну, могу пару слов сказать. Все конфликты ситуативно решаются. В одних случаях так, в других случаях эдак. По поводу вмешательства власти, ну, мне кажется, тоже к этому нужно без эмоций подходить, совершенно так спокойно и прагматично. Можно вмешаться, организовать движение, при этом не афишируя, это один вариант. Второй вариант - можно просто попытаться услышать население, не знаю, провести подробный социологический опрос, в конце концов, понять вот эти группы, которые возмущаются и громче всех кричат. Они вообще какой процент населения репрезентируют? Допустим, строительство, я не знаю, автопарковки, может быть, там 10 % возмущающихся, а 90%, у которых имеются машины, которым их негде ставить, они эту парковку поддерживают, но у них нет времени, чтобы выходить, подписывать. Или может быть имеет смысл пойти на компромисс: парковку как-то или под землю спрятать или еще какое-то решение найти и т.д. Мне кажется самое главное, что должно быть это очевидная вещь, это просто постараться услышать население, причем не только вот эти группы, а вот всех, кто вот потенциально может подключаться, т.е. обращайтесь к социологам.

Левашов Виктор: Наполеон говорил, что 100 крикунов заглушат молчание миллионов здравомыслящих людей.

Модератор: Я предлагаю начать обсуждение с двух представителей общественных сил, которые активно участвуют в очень резонансных конфликтах, личные истории могут прозвучать, а могут быть и не личные. Я бы попросил сначала Евгению Чирикову выступить, затем Рустама Рахматуллина. Но просьба: мы можем очень долго говорить, я понимаю, вы все яркие ораторы. Первое: все-таки природа конфликтов, здесь высказывалось много мнений, это действительно рождение духа общества

из борьбы со злобными застройщиками, аффилированными с властью, или не все так просто, или происходит уже такое камуфлирование бизнес-конфликтов под эту схему?

Второй аспект, о котором хотелось бы тоже поговорить, ваше мнение услышать - это аспект политический. Но не в плане превращения этого конфликта в элемент общенациональной повестки дня, а в плане кадровом, в плане лидерства. Формируется или нет новый тип общественного лидерства? Могут ли люди, получившие известность, приобретшие опыт, практику организации своих сограждан, соседей, земляков в борьбе против априорно более могущественной силы действительно превратиться в какой-то отряд более или менее мощной, новой политической элиты местного уровня, регионального уровня, в потенциале, может быть, и федерального уровня? Или нет, проблема решена и как часто бывает с гражданскими организациями, они прекращают свое существование или формально остаются, но реально - все.

И третий аспект, конечно, это уже рекомендации. Все вы имеете опыт участия в этих конфликтах, понимаете, как они протекают. На ваш взгляд, какие должны быть оптимальные сценарии разрешения строительных конфликтов, т.е. на каком этапе еще не поздно все это направить в ключ согласования интересов, при котором и проект в том или ином виде может быть реализован, возможно в далеком от первоначального, но и интересы местных сообществ будут учтены? Вот три аспекта, я бы попросил на них сконцентрироваться. Евгения, а затем Рустам.

Чирикова Евгения: Ну, прежде всего я очень счастлива, что в России вообще проходят такого рода анализы. Для меня это новость и новость очень приятная, потому что вот лет пять назад я участвовала в аналогичном анализе, которые проводили профессора Кембриджа. Они, правда, делали не по одной стране, они это делали в планетарном масштабе, они изучали строительные конфликты во всех странах мира. Это было очень глобальное исследование. Я сидела и страшно комплексовала за родину. Вот теперь я сижу и получаю удовольствие. А у нас не хуже, чем в Кембридже!

Теперь мне хотелось бы порассуждать о причинах возникновения конфликтов, это страшно интересно. Прежде всего, я хочу сказать, что здесь 2

причины. Одна причина: шибко умные стали. И вторая причина - это «чудо Господне – Интернет», как недавно сказал Папа Римский. Вот благодаря этому Интернету любой такой шибко умный гражданин с Дмитровки залезает в Интернет и обнаруживает, например, законы РФ, по которым есть просто прямой законодательный запрет на любую деятельность в Химкинском лесу. Он видит, что нарушены законы федеральные, и Земельный кодекс, и Лесной кодекс. И он, весь такой умный, пишет соответствующие письма. И, если он получает какие-то отписки, где просто написано, что поскольку решение было принято Президентом, следовательно, оно верно, а человек, я повторяю, весь из себя очень грамотный, и он считает, что не бывает президентов выше законов, то вот здесь и возникает самый главный конфликт - конфликт личностный. Т.е. человек уже меняется. Когда он задумывается о том, права ли власть, реализуя этот проект вот таким образом, он уже меняется. Вот этот вопрос - ключевой в человеке - он рано или поздно в нашей стране в последнее время, с увеличением разного такого строительства, возникает у людей. И это замечательно, потому что, что еще может растормошить наших граждан, заставить их критически взглянуть на окружающий мир, я не знаю. А строительный конфликт это прекрасно, хотя бы потому, что у человека трогают самое главное - его образ жизни. Что такое тронуть двор под застройку? Это тронуть ваш образ жизни, тронуть ваше неприкосновенное: гулять вот под этой липой со своим ребенком.

Что такое тронуть Химкинский лес? Я скажу вот немного про лидерство. Почему я начала этот конфликт. Я на тот момент была беременна вообще, у меня был образ прекрасного конечного результата: Я в дубраве с коляской. И вот этот образ у меня отнимали. Вот из-за этого образа все, т.е. это и к вопросу субъектов и все такое. Вот найдется одна такая сумасшедшая тетка, которая вот хочет со своим ребенком, тварь такая, гулять в лесу, вот и начинает она интересоваться законами и всем прочим, влезает туда, куда ей, собственно говоря, влезать-то исторически было заказано. Ничего не предвещало.

И собственно говоря, я сразу плавно перейду к причинам. Первая причина - это, конечно же, мир изменился. Он стал открытый, и благодаря Интернету люди, во-первых, получают опыт, практику, они видят как это делают за рубежом, они видят и как это делается в Китае, Индии и в той же самой Англии, они получают разный этот опыт. Они научились от большого ума еще и по-английски читать и им теперь то, что они получают вот эти отписки от нашей власти, это их не может

удовлетворить. Второе: они начинают разбираться в законодательстве РФ. И третий момент, очень тонкий - это экономика. Опять же горе от ума, слишком умные. Очень у многих людей, особенно тех, что живут в крупных городах, слишком хорошее образование, и это образование заставляет их задумываться о том, таков ли уж прекрасный экономический эффект от строительства вот этого блочного дома. И кому вот будет этот экономический профит, кто получит рабочие места, когда этот дом в январе начнут строить. Вот это тоже важный вопрос. Или, например, они, имея инженерное образование, начинают задумываться, а вот трасса, которая строится как во времена Ивана Грозного, как будто у нас вокруг тайга, именно по самым особо охраняемым природным территориям, когда есть 11 альтернативных вариантов, почему вот она именно так проходит? И когда проектные организации начинают говорить, что другого выхода нет, то опять же шибко образованные граждане, у которых там за плечами, не дай бог инженерный институт, они позволяют себе сомневаться в профпригодности строителей. Просто вот такая беда.

Кстати говоря, социология не всегда помогает, потому что, например, социология Левада-центра по Химкинскому конфликту показала: 76% граждан против строительства автотрассы через лес, но никого эта социология не торкнула. 98% населения Воронежского региона, которые сейчас протестуют против добычи никеля, тоже против добычи никеля на своих плодородных землях. Это, к сожалению, тоже никого не затронуло.

Теперь я перейду сразу к третьему пункту - это, что происходит с группой, после того, как она побывала в конфликте. Происходит самое главное и необратимое - происходит изменение сознания этих людей, они неминуемо политизируются, понимаете? Вот это ужасно, т.е. они неминуемо политизируются, и они понимают, столкнувшись с самыми разными органами государственной власти, что у нас нет государства. Т.е., они вдруг понимают, что полиция меня не защищает, она совершенно неэффективна, когда моего товарища, ну моего личного товарища Мишу Бекетова просто убили, а у нас нету органов природоохранных, которые бы тоже выполняли свою прямую функцию, т.е. сохраняли природу. Когда к ним обращаешься, они как то очень странно себя ведут, и такое впечатление, что у Минприроды у него цели не сохранить природу, а какие-то совсем другие цели. В ужасе мы видим, ну опять же вот граждане, которые, к сожалению, втягиваются в эти конфликты, они видят, что в суде

невозможно отстоять свое право законным образом, и они видят, что эта система не эффективна. Т.е. в суде я не могу отстоять ничего, и собственно говоря, ни один нормальный человек не хочет радикализироваться и, к сожалению, неэффективность органов государственной власти, глухота их, она обычных граждан - божьих одуванчиков превращает в радикалов. Это делается руками вот этих неэффективных людей, которые изображают, может быть, из себя химкинскую полицию, но ей на самом деле не являются.

И конечно же отдельный вопрос к власти, потому что власть, к сожалению, сплошь и рядом показывает себя не как государственные люди, люди с государственным мышлением, которые думают о будущем своего региона, а они вот себя показывают... Ну, как вот у нас в конфликте трассы через Химкинский лес - мы вдруг обнаруживаем, что вовлечен крупный бизнес, и не какой-нибудь, а французская компания Ванси. Но этот бизнес не строит, не привлекает инвестиции, не проектирует проекты, единственное, что он делает, он очень неаккуратно выводит деньги из РФ в оффшор на Кипр Аркадию Роттенбергу, близкому другу В.В. Путина, который из всех сил старается сделать нашу жизнь веселее, то слетает со стерхами, то сыграет, то сныряет, то еще, ну старается человек. Вот такого рода информация, когда мы видим, что российские бюджетные деньги выводятся из бюджета и при отсутствии дороги, полном отсутствии (эту дорогу так и не построили, как мы стояли в пробках, так и стоим) мы сталкиваемся с такими коррупционными схемами. Это опять же меняет сознание. С измененным сознанием жить гражданам сразу становится неуютно, тяжело, потому что они пытаются сразу поменять мир, понимаете, все происходит из-за сознания. Вот пока оно спит, все тихо, спокойно, у всех благоденствие. Поменялось сознание - все, не остановишь. И начинается. Вот в лучшем случае эти граждане идут на выборы.

И мне кажется, что это вот сейчас происходит сплошь и рядом. Мы видим, что конфликт по Селятинскому лесу закончился победой местного депутата Тани Павловой. Мы видим по другим регионам такую же самую картину, что люди начинают брать, что называется, власть на местном, муниципальном уровне, и мне кажется, это такой вот добрый признак. И здесь я очень согласна с Виталием, что такого рода конфликты - это возможность для людей каким-то образом поменять структуру гражданского общества. Потому что ну оно было во многом уничтожено во времена нашей такой бурной истории, сажали и убивали и все

такое во времена Советского союза. А сейчас, во времена ну такой относительной стабильности, вот эти строительные конфликты дают гражданскому обществу вырасти, поэтому я их всячески приветствую. Я считаю, что просто нужно грамотно населению уметь отвечать, не сваливаться в агрессию и не сваливаться ни в коем случае в насилие. Почему? Тут я отвечу. Есть на самом деле очень интересные исследования, американские, которые показывают, что больше 50% именно ненасильственного сопротивления приводят к успеху, в то время как только 27% насильственных способов сопротивления приводят к успеху, т.е. ненасильственный протест в 2 раза более эффективен.

И еще один момент в заключение хотела сказать. Очень часто основным аргументом, т.е. это к причинам, как избежать этих конфликтов, является честная статистика. Вот если людям, вот тем же самым строителям, честно открыть глаза на правду и, например сказать, что, вы знаете, ребята, из-за плотной застройки, например, в г. Париже каждый 5-й ребенок астматик. Это государственная статистика, поэтому там запрещено просто застройка точечная, потому что они установили связь между застройкой и здоровьем населения. Они поняли, что там, где пройдена экологическая емкость, там, где недостаточно зеленых зон, там астматики, там выросло количество больных раком, там выросло количество сердечных заболеваний. Вот эту статистику надо открывать строителям, и они будут менять свои строительные планы, потому что я не думаю, что строителям хочется узнать, насколько страшно сильно помолодел рак в Москве и в Петербурге. Это с увеличением уровня доходов населения. Т.е. должно быть наоборот, люди должны богатеть и меньше болеть, а у нас происходит с точностью наоборот. Вот, я думаю, что эту статистику обязательно должны знать люди, которые занимаются бизнесом, может это им поможет.

Модератор: Спасибо. Ну, в общем, Евгения тоже не предлагает оптимальных сценариев, потому что тоже считает, что чем больше строительных конфликтов, тем лучше для нашего гражданского общества. Возникает, правда, вопрос: а какое-то строительство вообще возможно у нас в стране, или оно нам вообще не нужно, и мы живем и так все в хоромах, ездим по широким дорогам без пробок, и в общем можем удовлетвориться такого рода рецептом?

Евгения Чирикова.: Вы знаете, не совсем так. Я считаю, что все-таки страна такая огромная, но почему-то мы все строим только в крупных городах.

Модератор: Потому что там люди живут. Можно конечно в Якутии строить, пытаемся, но вот населения там совсем мало почему-то. Вот. Так, Рустам Рахматуллин. Представлять, я думаю, тоже не стоит.

Рустам Рахматуллин: Спасибо за приглашение.

Первое, что я хочу заметить, что строительный конфликт - это частный случай градозащитной деятельности. Даже так - это частный случай градозащитного конфликта. А градозащитный конфликт - частный случай градозащитной деятельности. Если мы эту деятельность строим системно, то это должно быть так. И конечно на парадоксе скажу с Евгенией, задача градозащитного движения состоит в том, чтобы строительных конфликтов не стало, чтобы их стало как можно меньше, во всяком случае тех, которые имеют отношение к сохранению населения.

Евгения Чирикова: Да пошутила я 😊

Рустам Рахматуллин: Объективно, да. Если мы не спонтанно собираемся (а я уверяю вас, что не спонтанно собираемся и потом не расходимся заниматься своими делами), если мы в закрытой переписке изо дня в день мониторим информацию по открытым и не совсем открытым источникам, обсуждаем, что будет завтра, что будет через неделю, на какие слушания идти, где нужно попытаться повлиять (на законопроект об изменении территории памятника, на постановление или на состав экспертного совета или еще на что-нибудь) - если это происходит в ежедневном режиме, то, разумеется, это делается для того, чтобы минимизировать конфликты в поле. Строительные конфликты, о которых вы сегодня говорите, это конфликт в поле, это последняя стадия, стадия почти безнадежная. Статистика побед и поражений здесь неблагоприятная, именно потому, что это момент, когда все если не упущено, то очень запущено.

Второе, что я хотел бы сказать против представления о градозащитном движении как о спонтанном (потому что то, что я услышал сегодня, это анализ некой спонтанной деятельности) - градозащита это фундаментальная традиция. Когда вы говорите например об Охте, то ваши, я так понял, что вы в том числе консультировали Газпром,

Виталий Сенев: на начальном этапе.

Рустам Ахматуллин: то можно было им сообщить, что они столкнулись с

фундаментальной традицией. Что, например, Петербургское общество защиты и сохранения в России памятников искусств и старины было основано в 1909 году, а мы сейчас отмечаем 150-летие градозащитной деятельности, как мы его понимаем в Москве по дате основания Московского археологического общества в 1864 году. Это не формальный подъем флагов чужих, старинных и ветхих, нет, потому что есть живая преемственность. Скажем, если говорить о нас, то можно просто отследить, как это собиралось из движения «Москва», которого нет, из Московского общества охраны наследия, которые тоже в свою очередь никуда не делись, стали коллективными учредителями. Как эти движения возникли на базе разрушенного во многом в 90-е годы Общества охраны памятников. Как общество охраны памятников, калькирующее название Общества 1909 года, возникло в 1966 году, как в 70-е годы возникло законодательство, как люди среднего поколения в нашем движении воспринимали традицию от стариков. Я через одно рукопожатие, можно сказать, общался с Барановским, его я видел только в гробу, но от меня до него было одно рукопожатие. Я начинал при Горбачеве, например, там останавливали 3-е кольцо, которое сейчас идет под Лефортово. Как бы активисты не относились к тоннелям, но парк был спасен таким образом. Нам было тогда по 20 лет, но это традиция преемственная, глубокая, фундаментальная традиция градозащитная. Вот это второй момент, очень, на мой взгляд, важный.

Что касается лидерства, тут не мне судить о возможности политизации. О самой политизации я скажу тоже иначе, не так, как Евгения. Мне кажется, что политизация не неизбежна. Опять-таки, как ее понимать, если от слова полис, да, если человек, становится гражданином в значении горожанином, то да, становится. Если же полагать, что человек определенным образом политически окрашивается, и движение его определенным образом политически окрашивается, то нет, не обязательно. Я и мои товарищи делаем все, чтобы движение не политизировалось в вульгарном смысле слова. Я знаю, кто внутри движения либерал, консерватор, социалист, коммунист или принадлежит к более центричному оттенку политического спектра. Но не дай Бог мы начнем обсуждать во внутренней переписке выборы, Пусси Райт, Украину! Это все абсолютно деструктивно. Когда Общество охраны памятников в 80-е годы пустилось в эти обсуждения то, оно прекратило в городе свое фактическое существование на 10-15 лет. Как ни странно, эти темы нужно подавлять, выносить на какие-то внешние, посторонние площадки и сотрудничать только по тому предмету, по которому

люди собрались. И тогда все получается, как ни удивительно. Только тогда все и получается. Поэтому конечно не политизация. Когда в случае с домом Балконских мы понимали, что решение может принять только один человек в стране, потому что это адрес Ковальчука, когда в случае с Николаевской дорогой мы понимали, что решение принимает тоже не мэр, что это адрес Якунина - даже в этих случаях, когда ситуация была в вульгарном смысле политизирована, никаких политических лозунгов здесь не звучит, и звучать не должно. Речь шла в действительности о том, чтобы не допустить беззаконного искажения адреса из мировой литературы.

Я конечно, могу вернуться к началу и заметить, что вот такое фундаментальное движение - оно ведь еще идеалистическое. Во всех исследованиях это нужно учитывать. Это идеалистическое и не локальное движение, оно пытается контролировать десятки и сотни конфликтных точек, каким-то образом присматривать за ними, хотя бы чтобы не довести дело до полевого, до полевой стадии. Двигается оно, конечно, из идеалистических соображений, а пока наши оппоненты в бизнесе это не поймут, пока они будут применять к этому спекулятивные схемы, искать действия своих конкурентов или еще что-нибудь, ничего не получится. Просто не будет диалога. Диалога потому не возникает, возникает через посредничество власти, потому что бизнес понимает эти вещи исключительно по-своему, исключительно своекорыстно, никак иначе он не может это воспринять в принципе. Когда он сталкивается с идеалистическим движением, он становится в ступор. И это его проблемы, но и проблемы коммуникации.

Из зала: А позвольте реплику?

Модератор: Короткую.

Из зала: Уже поэтому нужны конфликты, чтобы существовали такие идеалистические гражданские общества.

Из зала_2: конфликты нужны?

Модератор: Мы сегодня уже зафиксировали, что конфликты нужны. Остался один вопрос: нужна ли стройка? Или все, можно закрыть эту тему, или стройку надо оставить только для одного, чтобы были конфликты?

Виталий Седнев: Я предпочту поссориться с кем-то на экспертной площадке, обкричаться просто, но только не выходить несколько месяцев день и ночь к тому дому, который на этой площадке не удалось отбить.

Евгения Чирикова: Конфликтов не будет тогда настоящих.

Виталий Седнев: Лучше кабинетные конфликты. Лучше уличного. На каждой предыдущей стадии конфликт предпочтительней.

Модератор: Вот отсюда и вопрос: а вот существующие способ, сценарии типовые предотвращения, разрешения конфликтов, насколько они оптимальны? Либо мы призываем: «больше, больше, больше конфликтов, потому что наша задача построить полноценное гражданское общество» или мы действуем прямо противоположным способом: да, конфликты есть, но, чем меньше их масштаб, тем лучше, чем раньше мы их гармонизируем, тем лучше и т.д. Но вот если мы вторую точку зрения принимаем, нужны конкретные предложения. Ведь в современном законодательстве, все мы знаем, есть там слушания всяческие и т.д., но все говорят, что это не работает, это все фальсифицируются.

Евгения Чирикова: Это не так. Это работает и очень хорошо. Вот живой пример. Не так давно в Златоустье благодаря общественным слушаниям, на которые пришло 3 тыс. человек, удалось отстоять бор, сосновый бор Веселая горка благодаря вмешательству губернатора в эту ситуацию, который увидел 3 тыс. человек на общественных слушаниях...

Модератор: испугался.

Евгения Чирикова: Нет, ну почему сразу испугался. Вот почему, вы знаете, я категорически против сразу вот таких нелицеприятных эпитетов. Он не испугался, а он подумал.

Виталий Седнев: У нас экспертная площадка...

Евгения Чирикова: Губернатор подумал. Согласитесь, что для российской действительности уже необычное словосочетание. Он подумал и принял правильное решение.

Реплика: Женя, он просто знал, что его отправят в отставку. Просто понял, что, если...

Евгения Чирикова: На самом деле, вот общественные слушания, которые решили...

Реплика: ...решил красиво уйти тем самым.

Модератор: У нас не так много осталось времени. Я предлагаю тогда сейчас выступить **Андрею Валерьевичу Сайко**, который с другой стороны выступает. **Заместитель генерального директора МСС ООО «МИТИНО СПОРТ СИТИ»**. Затем **Валерий Алексеевич Хомяков**, генеральный директор Совета по национальной стратегии и затем **Елена Серафимовна Петренко**, Фонд «Общественное мнение».

Из зала: ... ты не слышишь меня!

Модератор: Ааа, я нахожусь в воздушном состоянии духа.

Из зала: Выходи временно.

Модератор: Коллега **Алексей Зудин** из Высшей школы экономики.

Алексей Зудин: Ну, уже нет, но не важно. Но фамилию правильно назвал.

Модератор: Ну, я же говорю, в воздушном состоянии. Итак, **Андрей Сайко**.

Андрей Сайко: Ну, во-первых, не хочется никого обижать, хочется все очень аккуратно. Я просто расскажу в двух словах о проекте, о каких-то действиях и оппозиции с нашей стороны. Как мы это видели. Проекту 14 лет. Это проект торгово-развлекательного центра с достаточно большой социальной спортивной составляющей в Митино. Достаточно известный, наверное, многие слышали. Компания, которую я представляю, зашла в проект в начале 2013 года, получив уже абсолютно всю разрешительную документацию с возможностью выйти на следующий день строиться. Решили, что какое-то время нужно на раскачку и неожиданно через месяц-два поняли, что протест есть, его не было раньше. Соответственно мы не интересовались, ну, т.е. его не было по факту.

Что произошло дальше? Через несколько недель прошел первый митинг, который привлек громадное количество людей, где-то приблизительно 700 человек вышло на улицу, это было для нас тоже неожиданностью. Вопрос только в лозунгах, которые прошли, т.е. выступающие говорили, что инвестор вырубит весь Митинский ландшафтный парк. Евгения, наверное, в курсе, весь ландшафтный парк, а это порядка 130 гектаров территории, был выведен из состава этого парка 10 лет назад. Соответственно, никаких таких планов не было, но протест начался именно с этого. Мы проработали, мы объяснили, что парк в принципе в планы не

входит, но это вопрос терминологии, потому что жители считали, что мы хотим строить в парке. Это опять же инициативная группа. Произошла некоторая подмена понятий.

Модератор: Это сознательная подмена понятий?

Андрей Сайко: Да, конечно.

Модератор: Т.е. вы субъект, который сознательно подменил понятия?

Андрей Сайко: Этот объект должен был быть построен рядом, с юридической точки зрения, рядом с этим ландшафтным парком, на границе. Соответственно участок составляет примерно 1/14 от общей площади этого парка. В парк никто заходить не планировал, не собирался. Значит, «вырубят все деревья, гастарбайтеры будут убивать местных жителей и насиловать, криминальный элемент парк изгадит, наркотики продадут». Я объективно, я абсолютно не шучу, это видеозапись первого митинга, выступлений.

Реплика: ну, стандартный набор, джентльменский.

Андрей Сайко: Мы где-то в течение 2-х месяцев основную волну протестов, как мы считали, сняли. Мы активно вошли в Интернет. Ну, компания европейская, крупная, было желание поработать. Соответственно мы сказали, что ничего этого не будет, наоборот, привлекли, старались, опросили - что вы хотите? И быстренько проект переработали в тех моментах, в которых жители говорили, мы хотим, например, вот площадку такую-то – сделали, хотим секцию такую-то – сделали. Объективно мы в очень приличной части были готовы идти на встречу жителям. Забегая вперед, скажу, что второй митинг, который прошел в конце июля, собрал где-то порядка 300 жителей и 150 политических активистов. Я лично посчитал, 70 флагов было на митинге, и, соответственно, 70 человек их держали. К чему говорю? Мы протест обычного обывателя и жителя, который подумал: «ни фига себе, наше достояние, наш парк вырубят» - мы этот момент отработали и развеяли опасения.

Модератор: Но тут пришли политики...

Андрей Сайко: Мы кстати параллельно провели исследования ВЦИОМ, это было в июне. Единственно, мы сделали ошибку, в вопросе мы не зафиксировали адрес, по которому этот объект будет строиться. У нас 59% жителей высказались, что в

принципе такой комплекс в Митино нужен.

Это до второго митинга. Мы озадачились, а каков же протест на самом деле? И где-то приблизительно процентов 15-20 высказалось против. А 59% сказали, что нет, у нас вот торговля достаточно жесткая. 3 основных торговых центра в Митино построены где-то в середине 90-х, это вот рынок 90-х - торговые ряды, закрывающиеся жалюзи, рубашки на вешалке, это действительно такой формат. Жители протестующие при этом говорили: «Нет, у нас достаточно торговли, у нас есть Ашан, у нас есть Мега и т.д.». Т.е. говорили о том, чего на самом деле в Митино не существует. Это МКАД, это Ленинградское шоссе, т.е. они ездят туда. По факту где-то процентов 70 выезжает за покупками. К чему я это говорю? На самом деле, второй митинг, как я говорил, показал, что протест несколько спал. Третий митинг уже в формате пикета прошел в эту субботу, он собрал где-то 50-60 человек, при том, что наш проект на данный момент остановлен. Еще три проекта в Митино они (наши коллеги из инициативной группы противников) взяли под свою опеку: строительство нового микрорайона, строительство гостиницы, строительство автобусного парка на месте бывшего или не построенного троллейбусного. Т.е. на самом деле все крупные проекты района инициативная группа взяла под себя и выступила против, т.е. выступили против всего, что планировали построить.

Модератор: Т.е. мечта Виталия Седнева сбылась в отдельно взятом Митино. Скажите, пожалуйста, а почему вы остановили свой проект? Деньги кончились?

Андрей Сайко: Наши проекты останавливает или запускает власть, дает разрешение, поэтому я не хотел бы в столь уважаемом коллективе давать какие-то оценки здесь.

Андрей Сайко: Я хочу остановиться вот еще на каких моментах. Мы все время протеста учились, и мы чувствовали некоторые не совсем логичные вещи. На митингах (а это не секрет, мы слабо разбирались в каких-то моментах) мы привлекали коллег, просто чтобы понять, что происходит, и нам говорили, что в ИГ работает этот человек, этот и этот.

Модератор: ИГ это инициативная группа?

Андрей Сайко: Да, ИГ это инициативная группа противников, соответственно

работают политтехнологи. Когда мы получаем жалобы и письма высочайшего юридического качества, когда документ, который выходит...

Евгения Чирикова: Что тут сложного, мы им помогаем.

Модератор: Что там, дурачки одни живут?

Евгения Чирикова: Нет, не дурачки. Вы понимаете, самое ведь главное, я прошу прощения, что я так это врываюсь, дело ведь в том, что самое главное для людей: парк там, где деревья, поэтому когда к нам обращаются люди и говорят, вы знаете, вот тут вот наши деревья, они даже не говорят парк. Им не важно, юридически вот это назвали парком или чуть там вот вывели. Просто в Митино правда мало зелени и много то, что не зелень. Оно может быть за железным замком, и какая то не такая торговля, но понимаете, у них необходимость вот в этих зеленых насаждениях. И еще что очень важно - это люди очень высокообразованные, и они, немножко поработав с нашим адвокатом защитников Химкинского леса, который поднаторел за 7 лет будь здоров как, они уже сами такие стали юристы, что впору нам с ними консультироваться. А вот политтехнологи, не знаю, что это за зверь такой, пока не заметила.

Андрей Сайко: Действительно, Евгения, я знаю, что вы выступали на втором митинге.

Евгения Чирикова: Ничего такого не говорила.

Андрей Сайко: Я тоже на самом деле ничего такого не говорил. Почему говорил о все таки о все-таки юридической экспертизе? Потому что качество документов упало, вы, наверное, перестали им помогать, коллегам.

Евгения Чирикова: Какое то время помогали, потом они сами. Вот они учатся.

Андрей Сайко: Упало как качество того, что выходит у них, так и качество листовок, газет, информационных материалов.

Евгения Чирикова: Надо помогать, значит.

Андрей Сайко: И финансово надо помогать.

Евгения Чирикова: Денег нет.

Андрей Сайко: Сначала красиво, хорошо выглядело, потом...

Евгения Чирикова: Ну что вы хотите, Олимпиада, все туда.

Модератор: Ладно, коллеги, все спасибо! Я даже не знал, честно говоря, что пересекались на одном поле.

Евгения Чирикова: Мир тесен.

Модератор: Андрей, я резюмирую важные моменты для нас всех. Первое, существует уже тайное братство борцов против строек, которые из разных городов и весей помогают друг другу.

Из зала: Занимаются шантажом.

Евгения Чирикова: Чем занимаются? Нет, занимаются самообразованием.

Модератор: Давайте без оценок, шантажом или нет. Помогают друг другу, назовем это так. Второй момент - проект остановлен, т.е. результативность. Тут фигура умолчания, но был прозрачный намек, что власть останавливает. Власть, мы тоже понимаем, может останавливать по ограниченному набору причин. Из контекста можно понять, что политический в том числе климат, третий год Москва живет в режиме выборов, и, конечно, сейчас дуют на воду, обжегшись на молоке. И третий момент - это то, что вот эта самая ИГ страшная, т.е. инициативная группа, собравшись и добившись какого-то успеха на этом поприще, уже не распадается, а действительно по модели Евгении Чириковой, у них наступило такое измененное состояние сознания, ну в общем они парализовали какую бы то ни было строительную деятельность во всем Митино, т.е. опять мы приходим к тому же, с чего начали. Гражданская активность растет, мечта Виталия Седнева семимильными шагами реализуется, а стройка как таковая исчезает из наших городов.

Виталий Седнев: В защиту стройки еще один для резюме вывод. Вывод для инвесторов: ВЦИОМ надо приглашать чуть пораньше. Это должно быть составной частью любого инвестиционного проекта.

Модератор: Возможно на уровне даже закона.

Виталий Седнев: Я бы добавил даже, что, вот здесь говорилось о юридической экспертизе, социальная экспертиза должна быть просто обязательной частью инвестиционного проекта.

Андрей Сайко: Я вам сразу отвечу, смотрите. Нам ВЦИОМ показал 59% без точного адреса, что в принципе такой центр нужен. Мы осенью провели, Леваду взяли, просто для того, чтобы сравнить, 61% с четким адресом - за. Мы там уже, собственно говоря, расширенно предложили какую-то социальную составляющую в парке - облагородить, дорожки и т.д. Существенные деньги предложили вложить. Знаете, какая поддержка? 86%. 86% Митино хотят, чтобы их парк привели в порядок и построили там какую-нибудь инфраструктуру.

Реплика: То есть реально виновата только власть, что остановили?

Андрей Сайко: Я не готов сказать, это к тому, что Вы сказали, что на ранней стадии надо было бы ввести. Какая разница: раньше или нет? Если бы мы узнали раньше, т.е. социологические исследования показывают поддержку.

Модератор: Давайте так, получили интересный кейс. Сейчас короткая реплика Рустама, затем Галины и затем переходим к Валерию Хомякову с его данными.

Рустам Рахматуллин: Мне кажется, что строительство здесь употребляется в некоем положительном смысле, развитие. Строительство само по себе никакая не ценность. Для нас, например, строительство, как правило, - синоним разрушения, потому что этому предшествует непосредственно какой-нибудь вандализм, это наш частный случай. А вообще всякое строительство должно доказывать общественное благо. Для нас, например, аксиомой является сохранение старого города, это на наш взгляд. А вот появление нового объекта, в особенности вместо старого или просто в старом ландшафте – это то, что должно быть обосновано. Общественное благо здесь - вовсе не аксиома, поэтому строительства вообще, конечно, не существует. Сколько строителей, столько и ситуаций. Это не может быть синонимом термина «развитие».

Модератор: Галина еще хотела реплику.

Галина Градосельская: Очень короткая реплика как раз по вашему кейсу. Вы могли бы для этих 86% буквально положить золотую плитку, все равно нашлись бы недовольные, сказали бы, что проба не такая. Гораздо дешевле работать в информационном пространстве, т.е. меньше денег в лучшую сторону. Если бы вы сказали, что: «Мы засыплем все это керамзитом, что соответствует евростандартам...». Я поддерживаю Виталика, что пиар, общественность как составляющая, приглашения политконсультанта на ранних стадиях, согласование проекта - это должно быть просто абсолютной прагматичной составляющей.

Модератор: То есть вывод в том, что деятельность строительных компаний не является деятельностью сугубо экономической, она является деятельностью социальной. А они этого не понимают или не хотят понимать.

Галина: Да.

Модератор: Итак, долгожданный Валерий Алексеевич Хомяков, генеральный директор Совета по национальной стратегии.

Валерий Хомяков: Да, спасибо. Ну, я еще тоже один из участников обороны против застройки в Сокольниках, на себе испытал и знаю, что это такое. Пойду по повестке дня.

Главная причина, как мне кажется, того, что мы с вами обсуждаем, причина конфликта, это конечно же не то, что лежит на поверхности, хотя да, альянс строительной мафии и чиновничьей бюрократии. Главное все-таки кроется в другом - что о гражданах, о жителях, живущих там, где собираются строить замечательное наше строительство, вспоминают только тогда, когда уже бывает поздно. Поэтому, отвечая на вопрос, как снизить конфликтность (конечно же, это и хорошо, и плохо одновременно, согласен с теми оценками), мне кажется, это делать надо очень и очень рано. И не в тиши кабинетов под шуршание, в том числе и купюр, обсуждать, где мы и что построим, а делать это заранее, как вариант, как предложение. Может быть, пойти по пути создания приуровненных, примуниципальных советов, неких градостроительных общественных советов. Почему? Туда привлечь надо жителей, а не каких-нибудь учителей-бюджетников, которые, не хочу никого обижать, но они зачастую говорят и делают то, что нужно власти, потому что от нее зависимы. Из числа жителей, где достаточно много бывает специалистов, в том числе и по градостроительной политике, в том числе и по экологии, юриспруденции и все остальное. С тем, чтобы на самой ранней стадии пришла в голову идея, пожалуйста в совет, совет обсуждает, рассматривает, доводит это дело до жителей, изучает настроение, реакцию и тогда, может быть, тех громких конфликтов, известных конфликтов и может быть не очень известных, но резонансных на своем уровне мы может быть не увидим.

Феномер Чириковой, я читаю, что написано. Женя, не обижайся, как вопрос поставлен, единичный или типовой? Слава богу, это будет типовой проект, теперь уже можно называть под названием «Феномен Чириковой». Таких людей я знаю очень много по Москве, это люди, которых власть бестолковая разбудила, ходила бы, гуляла сейчас Женя по лесу, теперь бегают по круглым столам, по лесу тоже,

наверное, гуляешь. Поэтому в данном случае, я считаю, это неплохо. Вопрос в другом, что смешные бывают ситуации, когда политические партии, узнав, что в Сокольниках, Химках, еще где-то, начинают вот это кучкование поначалу, и может быть даже не одна буйная дура, а три находятся, к ним еще мужчины добавляются, думают: «А хорошо бы это нам как-нибудь реализовать в голоса избирателей». Не хочу обижать Сережу Митрохина, он один раз к нам в Сокольники приехал, до сих пор помнит, даже говорил в ходе избирательной кампании: «На Егерской, дом 5, владение 3 - я остановил». Не Сережа там остановил, но тем не менее мы не стали его опровергать, надо, пусть эксплуатирует. Но втянуть это все в какие-то большие глобальный политические проекты не получится по одной простой причине, потому что, с одной стороны, у тех, кто образовался, объединился на низовом уровне, очень разное отношение и к Владимиру Владимировичу Путину, и к Собянину, и к Единой России, к КПРФ и к Навальному. Вместе их объединяет одно – не трожь нашу среду обитания, иначе получишь по морде. Получают.

Совет один небольшой я уже строителям дал – надо на самой ранней стадии это делать, не хочу обижать социологов, но лучше бы сделать как-нибудь иначе, в том числе, узнав, поговорив с депутатами местными, не со всеми. Кое-кто вам скажет: «Давайте столько-то денег, я вам помогу». Бывают и такие депутаты, вы, наверное, сталкивались с такими. Надо бы просто узнать активистов, поговорить, встретиться с ними, посмотреть, что они вам скажут. Не очень-то их педалируют, это не означает, что они на вас будут работать - не будут. Хотя такие случаи тоже были, я знаю, к сожалению, когда люди перепродавались, конкурентов запускали с помощью вот этих самых известных конфликтов механизмов. Это только будет в России, я с вами согласен. Не потому что люди плохие, потому что власть дурная. Строительный бизнес выгоден, покупается, дальше вся эта схема известна. Вот эта выгода, она, к сожалению, приводит к тому, что мы с вами обсуждаем, но эти горячие точки будут расти.

Один из замечательнейших, не знал об этом никогда, пожалуй, единичный случай: бог знает где, Рязанская область, поселок Нижнее Мальцево, Нижнемальцевский химзавод, который благополучно в постсоветское время сдох, потому что отравлял всю атмосферу. Нашлись умные люди, говорят: «Давайте будем производить здесь формальдегиды». Нашелся один умный человек, который залез в энциклопедию и говорит: «Ребят, да вы нас всех отравите». Стали писать письма местному начальнику, тогдашнему губернатору, не помню,

кто был президентом. Отписки идут, пишут президенту, отвечает, как это бывает, местный начальник: «На ваше письмо на имя Владимира Владимировича Путина сообщаю...», и дальше начальник ставит подпись. Что дальше? В итоге все-таки нашлись много людей, которые создали инициативную группу, собрали подписи, добились проведения референдума, прошли через массу судов, выиграли референдум и сказали: «Все, теперь точка поставлена в строительстве этого химзавода». Малоизвестный эпизод, но он мне кажется показательным, потому что когда говорят о строительных конфликтах, как правило (на самом деле так) - Москва, Питер, Златоуст, хоть и небольшой, но все-таки город Челябинской области, другие крупные города. Но уверяю вас, этот процесс недовольства, он начинает возникать уже на самом низовом уровне, уровне поселковом, городском, в районных центрах, поэтому этот процент будет только дальше развиваться, если власть не поумнеет. Пока предположений или предпосылок, что она поумнеет, к сожалению, у меня нет, поскольку то, что записано в градостроительном кодексе, как бы, Жень, ты не говорила о публичных слушаниях - полная зачастую профанация. Собирают только своих, жителей не оповещают, приходят не жители, а сотрудники тех предприятий, которые работают на территории этого района, которым глубоко наплевать, будет тот дом или нет, сел на машину и уехал. Поэтому тут нужны серьезнейшие изменения законодательные, в том числе в механизме публичных слушаний, только жители, проживающие здесь, не более того. И то, что я сказал – создание для предварительной экспертизы градостроительных общественных советов при, может быть, муниципальных образованиях.

Модератор: Понятно. Спасибо, Валерий Алексеевич. Первое появилось внятное, конкретное предложение, что делать. Елена Серафимовна Петренко, пожалуйста.

Елена Петренко: Почти все, что я хотела сказать, сказано. Просто на самом деле у меня такое ощущение, что я дальше провожу исследование. Я разговаривала со строителями, я разговаривала с защитниками, на самом деле в прошлом году эти сюжеты были у нас исследованы, и фактически ничего нового я вам не скажу, потому что это сказано было уже 5 раз. По сути дела, жители территории, они ее осваивают, они ее присваивают, это их территория. Как один респондент мне рассказывал: «Тут они хотят строить, у меня дома они хотят делать ремонт по-своему. Я, конечно, понимаю, мне нужен дома ремонт, но мне нужен ремонт, чтобы мне было удобно, а не как им удобно». В общем, фактически

на самом деле потрясающее, мне кажется, сегодня обсуждение и просто молодцы, что собрались. Спасибо.

Модератор: Мы близимся к завершению, поэтому сейчас у нас объявляется полная свобода, Михаил Аскольдович первый, кто свободную реплику дает.

Михаил Тарусин: Сегодня вопрос доверия между властью и населением находится на очень низком уровне. То есть сегодня у нас люди власти, как правило, не верят, и не верят, прежде всего, власти той, которую видят перед глазами, т.е. местной власти, это, во-первых. Во-вторых, они понимают, что власть сегодня ворует, а ворует то, что может, и то, что ей дают, а дают ей, в том числе и строители, поэтому вопрос о том, что в строительстве присутствует власть, вопрос для населения местного не праздный, а довольно-таки бытовой. Естественно, и эти строители думают, что они купили власть, и хотят сделать что-то полезное для себя и вредное для людей. Этой ситуацией во многом сегодня пользуются люди экстремистского склада ума, которых тоже у нас сегодня достаточно, это в-третьих. И ситуация конфликта ненормальная, эта ситуация очень тревожная, и ее необходимо решать. Как? Я не знаю. Те предложения, которые сегодня прозвучали, меня лично не устраивают как социолога, как гражданина. Что делать? Пока не представляю, может, кто-нибудь что-нибудь со временем посоветует дельное.

Модератор: У нас есть такой человек, это Алексей Зудин, который очень долго ждал и, наконец, получил возможность высказаться.

Алексей Зудин: Спасибо. Первое, мне кажется, очень хорошо, что свое выступление Евгения начала с фигуры кембриджских профессоров, которые где-то собрались и обсуждали, мировые практики по этому вопросу. Это говорит о том, что не мы первые, не мы последние.

Второе, я думаю, что с учетом опыта кембриджских профессоров, условно, мы можем сделать вывод, что конфликт неизбежен. Весь вопрос не в том, есть он или нет, т.е. он безальтернативен, а в том, какой он, и где он происходит. Коллега очень хорошо сказал по поводу разницы между конфликтом на экспертной площадке. Это может быть экспертная площадка, слушание, общественная палата, где угодно, но конфликт в режиме консультаций и конфликт, когда я себя любимого бросаю под бульдозер со всеми вытекающими для меня и всех остальных последствиями. То есть нам нужно в отношении этого понять: конфликт неизбежен, важно то, какой он.

Третье, обсуждение, которое было, оно в общем, как, мне кажется, часть, по крайней мере, выступавших, они исходили из своих (и это естественно) неявных представлений о том, что такое гражданское общество, и том, что такое гражданская активность. Для одних гражданское общество – это обязательно конфликт, причем конфликт политизированный, конфликт системы. И это и есть гражданское общество. Для других гражданское общество – это есть налаженная система консультации. Есть даже такое определение демократии, мы все помним, в какой книжке оно есть, а кто не помнит, это в книжке, по-моему, Чарльза Тилли. Кроме того, разное представление о том, что такое гражданская активность. Гражданская активность – это когда ты с одной стороны прав, и за тобой стоят жители твоего дома, твоего района, а с другой стороны - недифференцированная, тупая, невежественная, готовая на все власть. Вот это вот гражданский конфликт, т.е. оппозиция. Но есть и другое понимание гражданского конфликта, когда любые обсуждения больших политических проблем, вот эту вот гражданскую ячейку, которая выступает субъектом в частности в конфликтах по поводу строительства, разрушают. То есть гражданский конфликт в данном случае – конфликт не политический, не партийно-политический, не по поводу глобальных вещей. Как только он выходит на глобальный уровень и затрагивает проблемы, связанные с устройством власти и т.д., он перестает быть гражданским. И мы видели, как у нас с 11-го по 12-ый год движение, которое первоначально было гражданским, по крайней мере, по духу, оно постепенно превращалось просто в движение политической оппозиции. Оно изменило свой характер, изменило свою суть.

Следующий пункт: новые лидеры. Опять же Женя, по-моему, очень хорошо говорила по поводу измененного сознания, как меняется сознание после того, как ты сталкиваешься с насилием со стороны государства. У меня очень сильные сомнения, что лидеры с измененным сознанием (присутствующие не в счет), что они способны адекватно работать в преобразованных структурах МСУ, что это хороший, адекватный источник модернизации элиты на любом другом уровне. Это лидеры определенного типа, это лидеры протестного типа, сознание изменено, ожег получен, опыт негативный получен, и дальше деятельность будет только условно революционной или квазиреволюционной. Эти люди парламентариями адекватными быть вряд ли смогут.

Модератор: Это как комиссару пойти в НЭПовский трест.

Алексей Зудин: Даже другой пример. Меня немножко удивляет, что мы это все обсуждаем. У нас уже есть свой собственный опыт, вспомним какое

количество лидеров уличной идеи России потом оказалось способно систематически работать в структурах власти. Это просто был естественный эксперимент, большая часть отсеялась, кто-то остался, кто-то выжил, кто-то продемонстрировал, что у них есть дополнительный акцент компетенции. Но естественным источником рекрутирования новых лидеров политизированный гражданский конфликт быть не может или вряд ли может.

И последнее. Как мне кажется, оптимальный сценарий разрешения конфликтов строительных - это сценарий, конечно же, не политический. Это сценарий, направленный на рационализацию бизнес-практик и рационализацию структур управления, в том числе представительных институтов. Что значит рационализация бизнес практик? В этих подготовительных материалах, здесь записаны, по-моему, очень разумные вещи, а именно - необходимость расширенной концепции строительного проекта. В строительном проекте обязательно должна присутствовать социальная составляющая. Кроме того, опять же только что прозвучала очень разумная вещь о том, что любой строительный проект, если он реализуется на том пространстве, которое заселено, грубо говоря, не тайга, он должен быть обоснован. Обоснован с точки зрения не тех денег конкретных, которые он принесет, не той народно-хозяйственной пользы в узком понимании, а он должен быть обоснован с точки зрения - а он в общественных интересах или нет, он несет какое-то негативное начало или нет? Потому что реализация любого строительного проекта в городе Москве, Петербурге, далее везде, везде, где есть историческая застройка, мы знаем, к чему это приводит.

И самое последнее, давайте не забывать, что у нас появился или появляется новый инструмент неполитической гражданской активности под названием «коллективные судебные иски». Он не развит еще, сталкивается с массой препятствий, но, тем не менее, короче, лучше, правильнее, эффективнее идти в суд и делать все для того, чтобы расширить возможности судебной практики, нежели атаковать бульдозеры, и потом иметь вот это самое измененное состояние сознания. Хорошая идея была то, что подобного рода строительные проекты должны проходить через, можно не создавать специальные органы, а просто через соответствующие подразделения – общественные палаты, вот и все. Если это строительный проект там, где плотная застройка, там, где уже живут люди, будьте любезны провести его через эту инстанцию. Не только слушания, потому что понятно, что и процедуру слушаний нужно оптимизировать и укреплять

от возможности ее исказить, манипулировать т.д., но вот эта вот дополнительная инстанция как фильтр, по-моему, она принесет пользу. Ну, а строителям нужно привыкать к тому, что они оказываются в ситуации, которая естественна во всех остальных странах. Да, они строят не на луне, не на пустом месте, они строят там, где люди живут. Спасибо.

Модератор: Сейчас Виктор Константинович.

Виктор Левашов: Я согласен с тем, что конфликты – это в первую очередь управление. В классической социологии и конфликтологии есть такой целый раздел огромный, целая наука – управление конфликтом. Поэтому здесь никакого спора не может быть по поводу того, что это: конструктивное или деструктивное. Это диалектическое начало любой деятельности, движения вперед, это первое.

Второе, европейские практики – это задача номер один. То, что делает Европа в настоящее время по экологическим стандартам, это наша ближайшая перспектива. Мы свое экологическое законодательство нивелируем, его практически нет. У нас нет министерства экологии, у нас нет вообще серьезных экологических органов, которые ведут строительные проекты. Я считаю, что это самая главная проблема. Пока мы не восстановим экологическую экспертизу, ничего у нас не получится на уровне гражданско-социальной экспертизы. Потому что гражданская социальная экспертиза, она в значительной степени управляемая в рамках определенных политических технологий. Поэтому за всем этим делом, так называемым процессом джентрификации, о котором я говорил, это абсолютно новое явление в градостроительной практике, когда задача номер один - облагораживание среды, в которой живут горожане. Стратегическая задача – облагораживание среды. Вот отсюда должен вестись целый комплекс, целый набор мероприятий, которые должны разрабатываться на стратегической и на ближайшей политической перспективе. Поэтому я хотел бы подчеркнуть, что об экологии, как основе всей этой проблемы мы ни в коем случае не должны забывать. Спасибо.

Мужчина: Маленькая реплика. Конечно, здесь очень много правильного было сказано и относительно экологической экспертизы, и относительно коллективных исков, но у меня создалось такое впечатление, это гипотеза такая, я ее хочу прокатать, может быть, Евгения расскажет, какое у нее впечатление. Мне кажется, что есть вакуум каких-то несанкционированных структур на местах. Они раньше были, во время перестройки. Я бы их не идеализировал, потому что часто они просто мешали работать даже исполкомам. Но существующая муниципальная

власть, несмотря на уменьшение районов в Москве, она все равно далека. Это все равно не наша власть, это все равно люди, которые не знают наших потребностей. Должна существовать какая-то более мелкочейстая структура, потому что, допустим, тот пример, который приводился с Митино - а с кем компания будет иметь дело? Она проводит диффузный опрос, 80% говорит, что «мы – за», а потом получается, что проект остановлен. Как так? А потому что не с кем было договариваться, нет партнера, через которого бы транслировались общественные интересы. Как это сделать? Это конечно законодательная вещь, это политические институты, достройка нашей демократии, но вот острая нехватка такого уровня, мне кажется, ощущается.

Мужчина: Ну, скажем, у муниципального образования свои депутаты, которые знают все, которые действительно есть.

Мужчина: Да, вот то, что было раньше. Раньше все-таки была более мелкочейстая.

Модератор: В каждом доме свой комитет защиты революции.

Мужчина: Нет, это не комитет защиты революции.

Женщина: Да не дай бог.

Мужчина: Разумное реагирование, я бы сказал так.

Модератор: Мысль понятная. Она кстати перекликается с исходным докладом, где тоже сказано, что местная власть, она вообще не является властью. Это какие-то странные люди, которые состоят на жаловании, причем на это жалование тратится почти весь их местный бюджет, но им все равно мало всего. Поэтому они вступают в противоестественную связь с застройщиками, а дальше, как только у застройщиков появляются проблемы, они тут же исчезают из видимости, как бы «нас тут не стояло», «мы никто». И конфликт транслируется дальше, в зависимости от степени «затусованности» этого самого застройщика, кто-то с первыми лицами страны, кто-то с первыми лицами региона и т.д. То есть речь о том, что отсутствует некая местная власть, которая могла бы выражать общественный интерес.

Мужчина: И кстати вот эти инициативные группы протестующих в нашем случае, они же взяли на себя эту роль. Они сказали: «Мы - жители Митино». А мы говорим: «Ну, вы же не жители Митино».

Мужчина: Там вакуум на низовом уровне.

Мужчина: А если была бы институциональная структура, тогда нельзя было бы так сказать.

Мужчина: Она должна быть уважаемая еще.

Мужчина: Она уважаемая, если она близка.

Модератор: Коллеги, давайте на этом закончим. Спасибо всем огромное! Получил я лично огромное удовольствие. Будет ли из этого какой-то толк или нет, сказать не могу, но надеюсь на лучшее.